

УДК 81-22

**ЗООФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ЗООЛЕКСЕМЫ КАК ЭКСПЛИКАТОРЫ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ**

О. А. Булгакова, О. А. Красноборова

**ZOOPHRASEOLOGISMS AND ZOOLEXEMES AS EXPLICATORS OF THE LINGUISTIC WORLD
PICTURE OF THE RUSSIAN AND THE CHINESE LANGUAGES**

O. A. Bulgakova, O. A. Krasnoborova

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00556, тема «Описание фрагментов языковой картины мира телеутов».

Статья посвящена изучению русских и китайских фразеологизмов, в состав которых входят лексические компоненты с названиями животных. Целью данной статьи является раскрытие особенностей восприятия и функционирования зоофразеологизмов и зоолексем в русском и китайском языках как необходимых составляющих языковой картины мира данных народов. Для сравнения восприятия зоолексем носителями русского и китайского языков был проведён свободный ассоциативный эксперимент, в ходе которого выявлены сходства и различия ассоциативных связей зоонимов с лексемами, характеризующими людей в китайской и русской лингвокультурах. Результаты анализа показали, что далеко не все значения зоолексем определенной лингвокультуры отражены в словарях и справочниках, а восприятие и употребление одних и тех же зоолексем в русском и китайском языке имеют семантические отличия, обусловленные спецификой языковых картин мира данных народов, детерминированных природными условиями, культурными и религиозными традициями, а также той тенденцией номинации, которая положена в основу русского и китайского языков. Незнание данных особенностей восприятия и употребления данных фразеологизмов может проявиться в межкультурной коммуникации и затруднить диалог.

The paper is devoted to the study of the Russian and the Chinese phraseology, which includes lexical components with names of animals. The purpose of this paper is to reveal the peculiarities of perception and functioning of zoophraseologisms and zoolexemes in the Russians and the Chinese languages as necessary components of their linguistic world picture. For comparison of zoolexemes perception by Russian and Chinese native speakers an associative experiment was carried out, during which similarities and differences of associative zoonyms' relations that characterize people in the Chinese and Russian linguistic cultures were revealed. The results showed that not all the meanings of zoolexemes in a certain linguistic culture are reflected in dictionaries and references, and the perception and use of the same zoolexemes in Russian and Chinese have semantic differences due to the specifics of language pictures of the world of these peoples, deterministic natural conditions, cultural and religious traditions, as well as the nomination of the trend, which is the basis for the Russian and Chinese languages. Ignorance of these features of perception and use of phraseology may occur in intercultural communication and obstruct the dialogue.

Ключевые слова: зоофразеологизмы, зоолексемы, языковая картина мира, лингвокультура.

Keywords: zoophraseologisms, zoolexemes, language picture of the world, linguistic culture.

На современном этапе особый интерес исследователей вызывают проблемы, связанные с рассмотрением языковой картины мира, языковой личности, языкового сознания, стиля, национально-культурной составляющей коммуникации. Говоря о диалоге культур, мы поднимаем актуальный вопрос межкультурных сходств и отличий, каким образом пласт культуры, отраженный фразеологизмами, эти сходства и различия выражает.

Фразеологические единицы (ФЕ), отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Фразеологизмы, по Ф. И. Буслаеву, – своеобразные микромиры, они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [цит. по: 11, с. 81]. Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации [3].

Фразеология есть фрагмент языковой картины мира. Фразеологические единицы всегда антропоцентричны, так как они возникают не столько для того, чтобы описать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение.

Значительную часть фразеологического фонда русского и китайского языков составляют устоявшиеся единицы с зоонимическим компонентом (в языкознании встречаются также синонимы к этому термину: зоонимические фразеологические единицы, зоосемичные фразеологизмы, зоофразеологизмы, фразеологические единицы с анималистическим компонентом, зоонимы). Данные фразеологизмы образовались в результате длительных наблюдений человека за поведением и внешним видом животных. Зоофразеологизмы, уникальное фразеологическое явление, не раз привлекали внимание исследователей фразеологии разных культур. Под понятием зоофразеологизма имеется в виду «сравнительно четко очерченные семантически и тематически устойчивые языковые образования, в составе кото-

рых есть (зоонимы) или их образно-генетические элементы» [9, с. 235]. Зоофразеологизмы (ЗФ) функционируют как воспроизводимые метафорические, преимущественно экспрессивные единицы вторичного наименования, которые составляют значительный пласт фразеологического фонда русского и китайского языков, уступая в количественном отношении только соматическим фразеологическим единицам (ФЕ) [9, с. 216].

Однако взятые из мира животных образы отражают не только отдельные черты человеческого характера (мужество – лев, хитрость – лиса, трусость – заяц), но и бытие, социальные, духовные связи между носителями языка, национальную специфику народа (см. подробнее об этом в [1]). Они наделены выразительной экспрессивной семантикой, поэтому в художественной литературе названия животных часто выступают в образно-символической функции.

Объектом нашего исследования стали русские и китайские фразеологизмы, в состав которых входят лексические компоненты с названиями животных. Зоофразеологизмы, отражая отношение «человек – природа» и являясь необходимыми составляющими языка, помогают понять языковую картину мира того или иного народа. Исследование фразеологизмов позволяет получить информацию об их культурно-информативной, социально-информативной и экспрессивной функциях [4; 7].

Предметом нашего исследования является восприятие носителями языка зоолексем, входящих в состав зоофразеологизмов в русском и китайском языках, и функционирование последних в языковой картине мира.

В ходе исследования было рассмотрено и проанализировано 78 фразеологических единиц русского и 68 фразеологических единиц китайского языков с компонентом-зоонимом, которые зафиксированы в «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова [13], «Толковом словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [12], «Китайско-русском фразеологическом словаре» под редакцией О. М. Готлиба и Му Хуаина [6], а также в ряде других словарей китайского и русского языков [5; 14 – 16].

И в русском, и в китайском языке существуют зоофразеологизмы, которые определённым образом характеризуют человека:

1) зоофразеологизмы с семантикой «черты характера»:

Рус. Заячья душа – трус; львиное сердце – отвага; Лиса Патрикеевна – хитрая девушка/женщина;

Кит. 老黄牛 [lao huang niu] (букв. «старая рыжая корова») – «трудолюбивый человек», 狼心狗行 (букв. «сердце как у волка, а поведение как у собаки») – «алчный, злой, подлый человек», 犟牛劲 [jiang niujin] (букв. «упрямый как бык») – «настойчив, упрям, строптивый», 铁公鸡 [tiègongji] (букв. «железный петух») – «скупой, прожорливый человек», 老虎屁股摸不得 [laohu pigu mobude] (букв. «нельзя касаться зада тигра») – «злой как тигр, лучше не трогать»;

2) зоофразеологизмы с семантикой «физические особенности», «внешность»:

Рус. Медвежья походка – неуклюжая, косолапая походка; мокрая курица – жалкий вид; стройная, как лань; как корова на льду – неуклюжесть, нелепость; здоров как бык – хорошее здоровье;

Кит. 飞天蜈蚣 [feitian wugong] (букв. «летающая сороконожка») – «живой, моторный человек», 纸老虎 [zhilao hu] (букв. «бумажный тигр») – «только кажется, что сильный»; «воображаемая сила», 沉鱼落雁之容, 闭月羞花 之貌 [chenyuluo yan zhirong, biyue xin huazhimao] (букв. «рыба, которая погружается в воду») – «месяц и цветок не имеют такой красоты»; «очень красивая девушка», 可怜虫 [kelianchong] (букв. «жалкое насекомое (червяк)») – «жалкий на вид человек»;

3) зоофразеологизмы с семантикой «умственная, психическая характеристика»:

Рус. Стреляный воробей – умудренный опытом.

Кит. 猪脑壳 [zhunaoke] (букв. «мозг как у свиньи») – «глупый человек».

Как показал проведённый анализ, активность использования того или иного названия животного во фразеологизмах неодинакова. Чаще компонентами фразеологизмов становились существительные, называющие домашних животных, например, *корова, овца, баран, курица, петух* и др., что объясняется их тесным контактом с человеком. Именно их поведение, повадки и привычки легли в основу при формировании значения фразеологизмов.

Те дикие животные, с которыми человеку приходилось сталкиваться чаще, также остались как маркеры, характеризующие свойства человека, его поведение. Например, *волк, медведь, лисица*.

Коннотативный смысл зоолексем во фразеологизмах обоих языков далеко не всегда совпадает. Как показывают результаты проведенного анализа, специфическими смыслами обладают те зоофразеологизмы, в которых отражаются специфические особенности мировосприятия народа, связанные с его историческим прошлым и культурными традициями. Например, в разговорном регистре русского языка номен *корова* может быть использован метафорически для обозначения неразумной, неприятной и неуклюжей женщины. Например, «Я никогда не знал, что Олеся такая корова: она ничего не слышала о геомантии!», «Для такой коровы следует заказывать два места в самолете!», «Где же найти подходящее платье для такой коровы?!» [2, с. 345]. Такие же значения реализуются и в фразеологизмах: как корова на льду – «неуклюжая»; ворочаться как корова – «медленно делать что-либо»; разъялась как дойная корова – «располнела»; как у коровы хвост – «несдержанный, болтливый».

Совсем другая ситуация в китайском языке: о целенаправленном, непоколебимом человеке, упорно идущем к своей цели, говорят, что он «имеет коровий характер» – 牛脾气 niu piqi; упертого (в лучшем смысле этого слова) человека, который имеет свои убеждения и принципы, сравнивают с быком – 牛劲 niu jin. Это словосочетание используется для обозначения большой силы и значительных усилий. Несомненную положительную коннотацию имеет также устойчивое словосочетание 牛性 niu xing – «темперамент как у быка» (бык и корова в китайском языке обозначаются

общим соответствием – 牛 niú). Позитивность образно-языкового осмысления коровы (быка) объясняется культурно-исторически [17, с. 136]. Бык издавна выполнял функции главного помощника китайского крестьянина. С помощью быков обрабатывали землю, собирали урожай. Некоторые средневековые китайские императоры даже издавали эдикты, которые запрещали употреблять говядину. Быков хоронили после того, как они умирали своей смертью, верой и правдой отслужив своему хозяину. Даже в наше время многие китайцы (по крайней мере на Тайване) не употребляют говядину, руководствуясь морально-этическими убеждениями, освященными традицией.

Специфическими смыслами обладает и лексема лиса. *Лиса* (狐狸 húlí) в китайском языке приписывается способность к перевоплощению и долголетию. Кроме того, лиса в китайской культуре ассоциируется с женщиной-соблазнительницей. Древние китайские тексты описывают лису как демоническое животное, на спине которой любят передвигаться злые духи. Интересно происхождение бинорма 狐臭 húchòu (букв. "запах лисы") в значении "запах пота из-под подмышек", отражающего мифологическое мышление древних китайцев. Как рассказывают китайские легенды, женщину-лису-оборотню можно отличить от настоящей женщины по тому признаку, что первая никогда не меняет одежды и она у нее не пачкается.

Известное всем выражение «хитрая как лиса» давно закрепилось в русском языке. Хитрость лисы нельзя считать отрицательным качеством. В русской культуре хитрость ассоциируется с находчивостью, смекалкой. Любое добывание пищи лисой происходит при помощи хитрости. В русском языке фразеологизм Лиса Патрикеевна имеет значение «хитрый, ловкий, пронырливый человек; лукавый лстец».

В зависимости от особенностей национального менталитета в основу семантического значения, придаваемого образу животного, могут лечь те или иные повадки животного. Например, образ свиньи как тунеядца и глупца у китайцев и образ свиньи-грязнули у русских. Образно-ассоциативное осмысление *свиньи* в китайском языке (кит. 猪 zhū) не связано с коннотациями нечистоплотности, неблагодарности, эгоистичности и некультурности, что присуще европейскому языковому ареалу. В основном данная лексема имеет значение ограниченности и тупости: 猪猡 zhūluo – восток. диал., руг. "кабан, свинья" (о дурном, тупом человеке); 猪头三 zhūtóusān – диал. руг. "Свинья, идиот". Однако в китайской картине мира свинья как двенадцатое зодиакальное животное несет в себе также идею мужества, энергии и половой потенции [17, с. 236].

Отношение славянских народов к свиньям также было противоречиво. С одной стороны, упитанная и плодовитая свинья – воплощение сытости, богатства и благополучия, но несмотря на питательное свиное мясо и сало, склонность этих животных к грязи, неразборчивость в еде, упрямство и жадность, доставшиеся от диких собратьев, принесли им дурную славу. Так, во фразеологизмах с компонентом-зоонимом «свинья» содержится только отрицательная коннотация: свинья в ермолке – «грязный, жадный, с низкими помыслами человек»; как свинья в апельсинах – «человек, абсолютно не понимающий чего-либо»; подложить свинью

– «сделать большую неприятность кому-либо» [8, с. 144].

В китайской символической системе *гусь* – 鵝 e (наряду с уткой и сказочным Фениксом) воплощает идею супружеского счастья. Что касается диких гусей, они часто выступают свидетелями хороших новостей: 千里送鸿毛 qiān lǐ sòng hóng mao – букв. "Живя далеко, послать гусиное перо в знак дружбы и любви", 鸿图 hóng tú – "видение дикой утки", что символизирует благоприятные перспективы для бизнеса [16, с. 137].

В русском языке лексема гусь имеет негативную окраску, что и отражается во фразеологизмах: гусь лапчатый – хитрый, ловкий человек, плут, пройдоха [13, с. 122]; гусей дразнить – вызывать раздражение, злобу у кого-либо [13, с. 146].

Для того чтобы сравнить восприятие зоолексем носителями русского и китайского языков, мы провели свободный ассоциативный эксперимент, в анкетировании приняли участие русские (75 человек) и китайские (56 человек) носители языка. Информантами стали носители обоих языков – студенты КемГУ и 中国传媒大学 (Communication University of China) возрастной категории от 18 до 26 лет. Материалом для исследования послужили 15 зоонимических наименований: собака, кошка, крыса, корова, свинья, баран, овца, петух, курица, лиса, волк, медведь, тигр, лев, черепашка.

Эксперимент проводился методом анкетирования. Информантам предлагалось выполнить следующее задание: «Напротив названия каждого животного напишите человеческие качества, с которыми вы ассоциируете это животное».

В ходе анализа полученных результатов анкетирования мы выяснили, что восприятие и употребление одних и тех же зоолексем в русском и китайском языках имеют семантические отличия, обусловленные спецификой языковых картин мира данных народов, детерминированных природными условиями, культурными и религиозными традициями, а также той тенденцией номинации, которая положена в основу русского и китайского языков. Незнание особенностей восприятия и употребления данных фразеологизмов может проявиться в межкультурной коммуникации и затруднить диалог.

Наибольшее сходство ассоциаций у носителей исследуемых лингвокультур было отмечено у зоонимов: собака / 狗, баран / 公羊, волк / 狼, лиса / 狐狸, лев / 狮子. Больше всего отличий оказалось у зоонимов: корова / 牛, овца / 母羊, черепашка / 龟, свинья / 猪, кошка / 猫. Рассмотрим подробнее данные зоонимы.

Так, по данным, полученным в ходе эксперимента, у русскоязычных информантов номен «черепашка» (рис. 1) репрезентирует в основном негативные коннотативные смыслы. Черепашкой называют человека медлительного, нерасторопного. Однако, кроме этого, черепашка в русской лингвокультуре ассоциируется с мудростью. В китайскоязычной группе многие информанты отказались от ответа. Как было выявлено в ходе эксперимента, в современной китайской лингвокультуре номен «черепашка» имеет чаще всего негативную коннотацию, если употребляется по отношению к че-

ловеку. Одним из популярных ответов китайскоязычных информантов была лексема 混蛋 (сволочь, мерзавец).

Назвать китайца черепахой – значит оскорбить его.

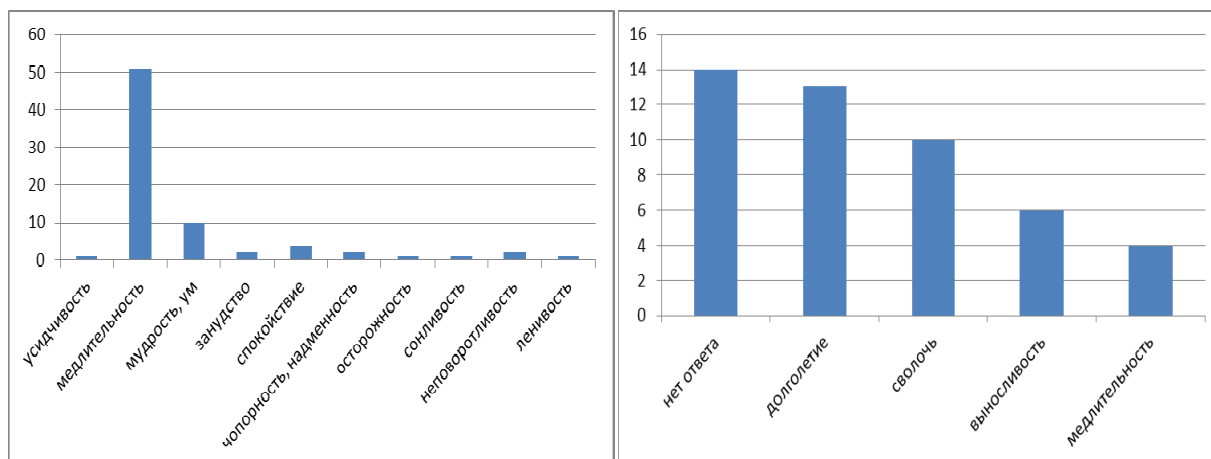

Рис. 1. Реакции на слово-стимул Черепаха (龟): в русском и китайском языках

Ассоциативное осмысление номена «корова» (рис. 2) в русскоязычной и китайскоязычной группах отличается. В русской лингвокультуре номен «корова» имеет негативную смысловую окраску и ассоциируется чаще всего с полной женщиной, что подтверждают такие ответы информантов, как толстая и жирная. Вторым по популярности ответом в русскоязычной группе стала лексема глупость. Совершенно иная ситуация в китайской лингвокультуре. Самый популярный ответ – трудолюбие. Корова для китайцев – символ трудолюбия и упорства. Номен имеет положительную коннотацию. Сказать китайской девушке, что у нее глаза «как у коровы» – значит сделать комплимент. По данному зоониму результаты эксперимента практически полностью совпадают со словарными значениями фразеологизмов.

Как показал эксперимент, зооним овца (рис. 3) также различается по ассоциативному осмыслению. В русской лингвокультуре он имеет негативную коннотацию и чаще всего характеризует человека глупого, а вот в китайской лингвокультуре овца ассоциируется с кротостью и покорностью (温顺).

Зооним свинья (рис. 4) имеет негативную коннотацию в обеих лингвокультурах. По результатам эксперимента в русскоязычной группе свинья ассоциируется с человеком неаккуратным, нечистоплотным. А в китайскоязычной группе свинья чаще всего ассоциируется с таким негативным человеческим качеством, как лень. Кроме того назвать китайца свиньей может означать обзвать его обжорой или глупцом (好吃懒做).

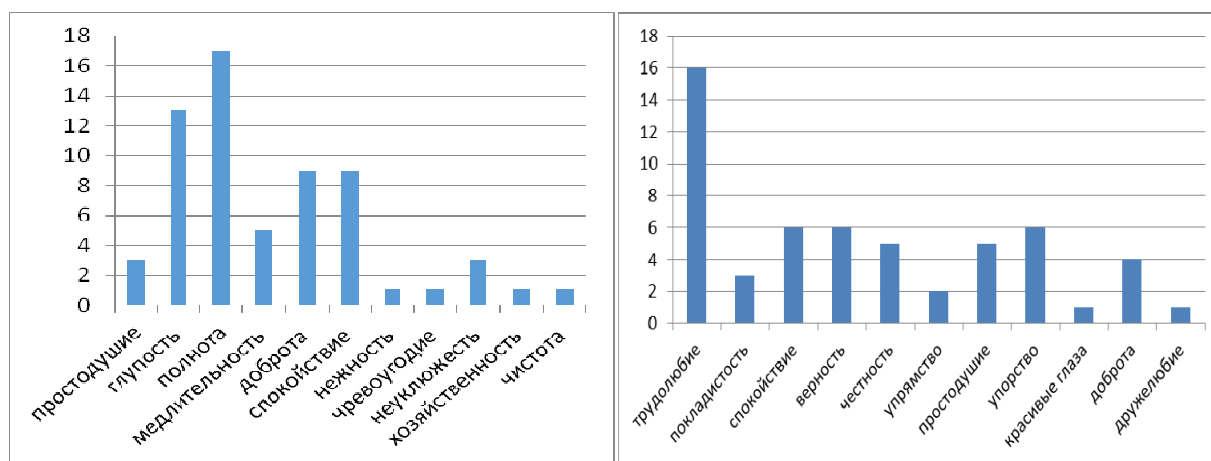

Рис. 2. Ассоциации на слово-стимул Корова (牛): в русском и китайском языках

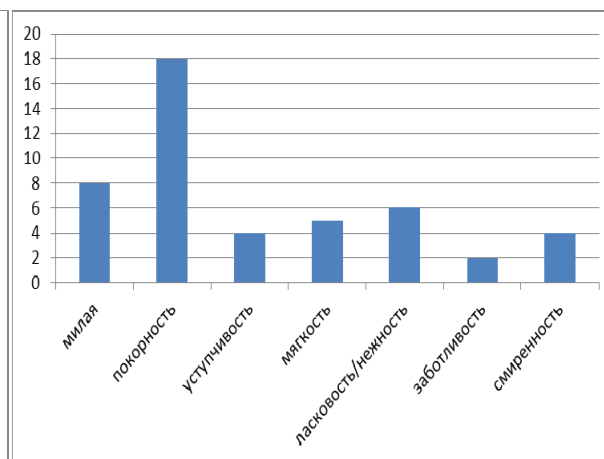
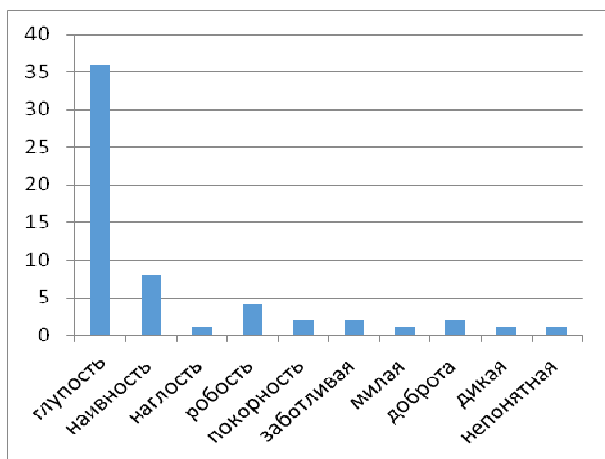

Рис. 3. Реакции на слово-стимул Овца (母羊): в русском и китайском языках

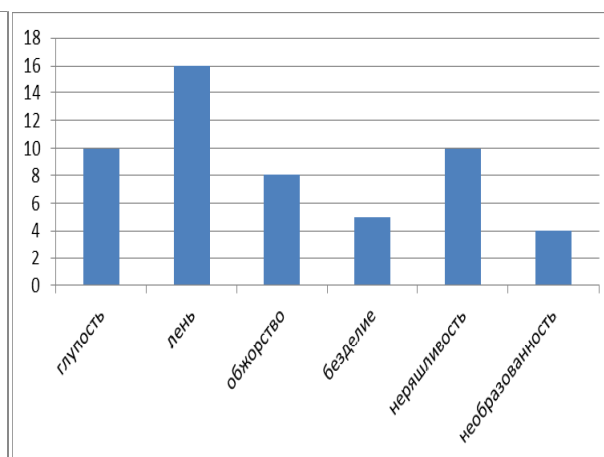
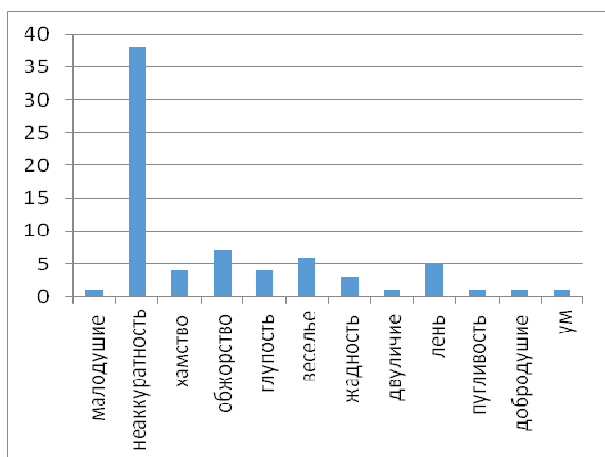

Рис. 4. Реакции на слово-стимул Свинья (猪): в русском и китайском языках

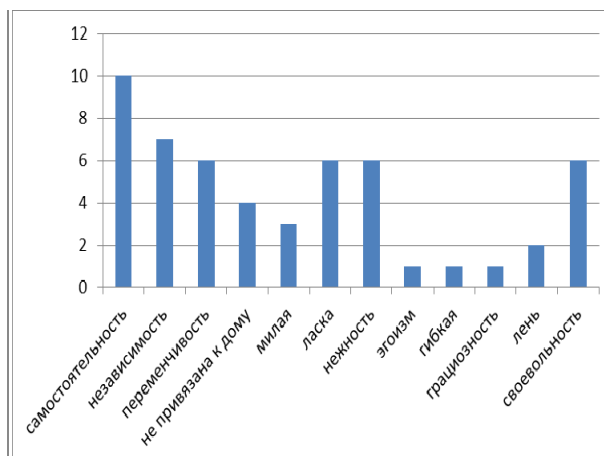
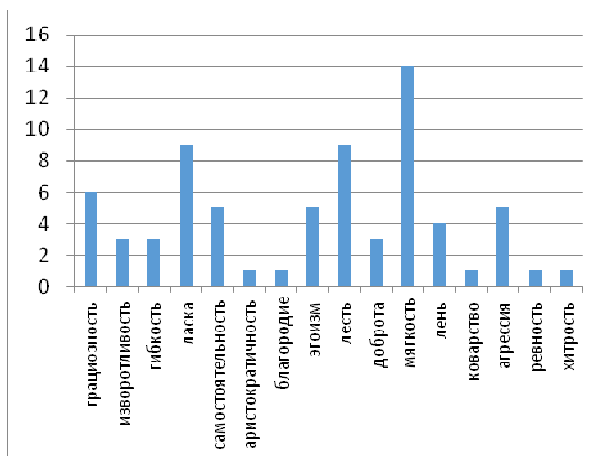

Рис. 5. Реакции на слово-стимул Кошка (猫): в русском и китайском языках

В русскоязычной группе наиболее распространенной реакцией на зооним «кошка» (рис. 5) были ответы мягкость и нежность, в то время как в китайскоязычной группе такими ответами были 矫情 (самоуправность) и 独立 (самостоятельность, независимость). Согласно результатам в русской лингвокультуре номен «кошка» имеет чаще положительную коннотацию, чем негативную, в китайской – либо нега-

тивную (самоуправность в значении неподчинения, своевольности), либо нейтральную.

Зооним крыса (рис. 6) согласно результатам анкетирования имеет самую негативную коннотацию. В обеих группах большинство информантов ассоциируют крысу с подлостью. Однако если в русскоязычной лингвокультуре данное качество связано с предательством, то в китайской – с вороватостью (贼精):

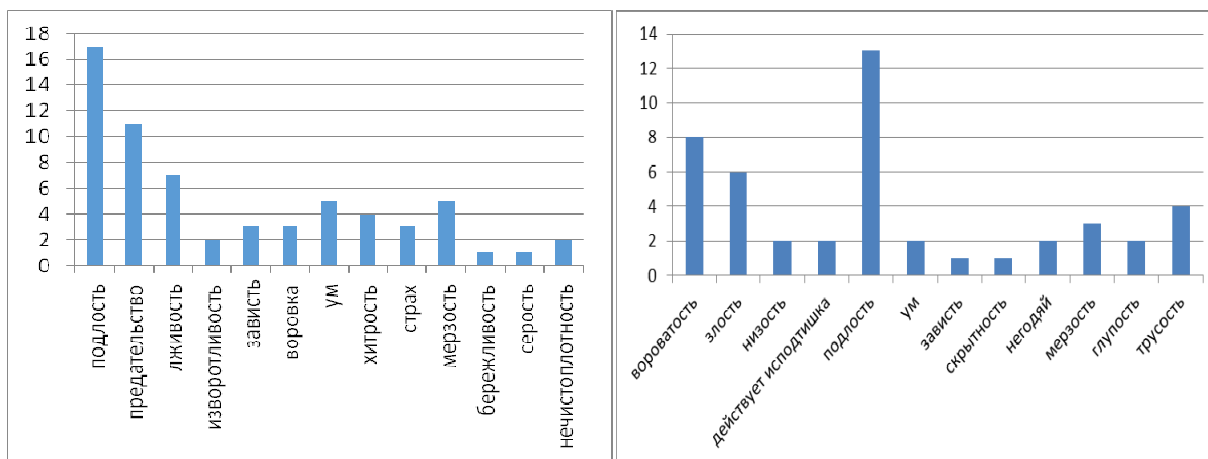

Рис. 6. Реакции на слово-стимул Крыса (鼠): в русском и китайском языках

Проведённый нами анализ позволяет сделать вывод, что фразеологизмы с компонентом-зоонимом ярко выражают ментальность русского и китайского народа. Люди анализировали поведение животных, их повадки и переносили эти свойства на человека, сравнивали поведение животных с поведением людей. Животные являются мерилем многих человеческих качеств – как физических, так и нравственных. И это не могло не отразиться и во фразеологизмах русского и китайского народов. При использовании названий животных во фразеологизмах народ чаще был склонен отмечать отрицательные черты, чем положительные.

В результате сопоставительного анализа мы пришли к выводу, что не все образы животных несут одинаковую эмоциональную нагрузку в зоофразеологизмах рассматриваемых языков. К примеру, крыса и свинья выступают как «отрицательные герои» как в русском, так и в китайском языках, а вот отрицательный образ коровы характерен только для русской лингвокультуры, тем временем как в китайской лингвокультуре образ коровы положителен. Резко отрицательный образ черепахи характерен только для китайского языка, а в русском языке он скорее нейтрален либо имеет не столь ярко выраженную негативную коннотацию. Ассоциации, связанные с зоолексемами, символизирующими человеческие качества, в русском и китайском языках имеют много совпадений, но есть и различия. Сходство объясняется общими выводами из наблюдений за повадками животных, а различия – особенностями жизни каждого народа. Например, неизменной «частью» жилья издавна были не только собаки и кошки, но и крысы.

В китайском языке лексема **крыса** (кит. 鼠 shu) получила устойчивые негативные коннотации, эмоциональная сема ограниченности и ничтожности в переносных значениях 鼠 shu выражена ярче по сравнению с русским языком и имеет оскорбительную семантику "подлец, негодяй, вор": 鼠目寸光 shumucunguang (букв. "глаза крысы не видят дальше, чем на один цунь"), образно – «ограниченный человек»; 鼠肚鸡肠 shu-du ji-chang (букв. "утроба крысы и куриные кишки"), образно – "ограниченный, низкий человек"; 鼠肝虫臂 shu-gan chong-bi (букв. "печень

крысы, лапки насекомого") в значении "ничтожное существо"; 鼠辈 shu-bei – ругательное слово для обозначения мелочного, подлого человека, 鼠口不出象牙 shukou bu chu xiangya (букв. "из рта крысы не получишь слоновьего клыка"), образно – "с уст подлого человека не дождешься доброго слова". При всей не любви к крысам по вполне понятным причинам китайские крестьяне относились к ним с уважением. Об этом свидетельствуют как языковые, так и экстралингвистические данные. Так, крыс часто называли 老鼠 lao shu – "старая крыса" в значении "уважаемый" (ср. с подобными наименованиями тигра и орла: 老虎 lao hu, 老鹰 lao ying соответственно). Известные китаеведы В. В. Малявин и В. Эберхард описывают обычай "крысиных свадеб" в крестьянских домах древнего Китая, когда в определенные числа зимних месяцев (3, 7 декабря или 19 января, в зависимости от района Китая) все жители дома шли спать раньше, оставляя на полу блюда для крыс [10, с. 343; 17, с. 246].

В русском языке номен «крыса» в большинстве своем имеет негативную коннотацию. Как правило, сравнение человека с крысой заключает значение человека подлого, предателя: Бежать как крысы с корабля – о том, кто покидает кого-либо (что-либо) в трудную минуту, в беде. Беден как церковная крыса – очень, до крайней степени беден. Канцелярская крыса – чинуша, бюрократ, формалист. Таким образом, исследование фразеологизмов помогает лучше понять быт и культуру народа, его язык.

Сопоставительный анализ, проделанный нами в ходе работы со словарями и проведения психолингвистического эксперимента, помогает раскрыть как совпадения, так и особенности использования зоолексем для характеристики внутреннего и внешнего мира человека, а также наиболее универсальных житейских ситуаций. Результаты работы позволяют сделать вывод о том, что языковая картина мира, при всей ее объективности и целостности, не является зеркальным отображением мира, а представляется его интерпретацией, которая варьируется от языка к языку, подтверждая тем самым мысль о преобладании национально-специфического видения мира.

Литература

1. Абдуллаева Ф. Э. Сопоставительное исследование проявления вторичной номинации в бионимах (на материале русского и азербайджанского языков) // Современные проблемы науки и образования: электронный научный журнал. 2014. № 6. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/120-16442> (дата обращения: 17.05.2015).
2. Алиева Т. С. Словарь русского языка. М.: Юнвес, 1999. 478 с.
3. Араева Л. А. Мир во фразеологизмах мира // Słowo. Tekst. Czas XII. «Frazeologia w idiolektach i systemach języków słowiańskich W 200. rocznicę urodzin Tarasa Szewczenki». Szczecin – Greifswald, 2014. Т. 2. С. 15 – 24.
4. Араева Л. А. Мир киргизского народа в пословицах и поговорках (в сравнении с русской фразеологией) // Word – Text – Zeit XI. Die Phraseologie im Idiolekt und im System der slawischen Sprechen. Zum 200. Geburtstag von Taras Grigorievic Sevcenko. Szczecin – Greifswald, 14 – 17/ 11/ 20`13. Greifswald, 2013. С. 6 – 10.
5. Большой китайско-русский словарь. Т. 1 – 4. М.: Наука. Главная ред. вост. лит-ры. 1981 – 1984. Т. 1. 552 с.; Т. 2. 1100 с.; Т. 3. 1062 с.; Т. 4. 1104 с.
6. Готлиб О. М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. М.: АСТ: Восток-Запад. 2007. 608 с.
7. Денисова Э. С., Гульятеева А. В. Соматические фразеологизмы в системе китайского и русского языков: психолингвистический аспект изучения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4(64). Т. 4. С. 65 – 69.
8. Жуков В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка. М., 1980. 386 с.
9. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2006. 408 с.
10. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Астрель, 2000. 628 с.
11. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2007. 289 с.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Российская академия наук институт русского языка В. В. Виноградова, 1999. 940 с.
13. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. 544 с.
14. Фразеологический словарь китайского языка / гл. ред. Хэ Пин. Дяньцзы кэцзи дасюэ чубаньшэ, 2004. 1258 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986 – 1987.
16. Яранцев Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии. М., 1985. 304 с.
17. Eberhard W. Times Dictionary of Chinese Symbols. Singapore: Federal Publications, 1997. 332 p.

Информация об авторах:

Булгакова Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, bulgakova.o.a@yandex.ru.

Olga A. Bulgakova – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Stylistics and Rhetorics, Kemerovo State University.

Красноборова Ольга Алексеевна – бакалавр факультета филологии и журналистики КемГУ, Silaeva93@yandex.ru.

Olga A. Krasnoborova – Bachelor's Degree student at the Faculty of Philology and Journalism, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.